

Казалось, растущее пятно взрыва вот-вот нагонит и поглотит кабинку. Но она продолжала уноситься прочь, а волна огня и осколков постепенно начала отставать. Кабинка летела по прямой, словно пущенная стрела; как ни старались Финн и Чуи, они не смогли заставить ее подчиниться пульту управления. Оставалось лишь ждать, пока энергетический заряд закончится, и надеяться, что это произойдет в подходящем для посадки месте.

К счастью, пока внизу виднелись постройки, они летели довольно высоко. Но вот последние предместья гигантской столицы остались позади. Начались холмы, заросшие деревьями, среди которых изредка виднелись огни вилл. Наконец закончились и они. Потянулась однообразная плоская степь. То здесь, то там мелькали пастушеские костры: господа из Понтено-сити любили кушать свежее мясо, поэтому столицу широким поясом окружали пастбища.

В степи кабинка начала постепенно снижаться. Ночь уже сменилась синими предзвездными сумерками, и Рэй, Чуи и Финн напряженно всматривались в бегущее под ними море травы, гадая, где именно закончится их полет.

Наконец, последовал удар о землю. Станный летательный аппарат, спасший им жизнь, проехал еще сотню-другую шагов, взрыхляя траву и грунт, пока не остановился. Все трое разом оглянулись на Бена. Он сидел в той же позе, не шелохнувшись, надежно удерживая равновесие рукой, которой схватился за какой-то выступ; ничто не потревожило покой драгоценной ноши у него на коленях, с которой он не сводил глаз.

Они выбрались наружу. Посреди бескрайней пустой равнины им посчастливилось приземлиться рядом с одинокой пастушьей хижинкой. Она оказалась необитаемой. Единственным предметом обстановки ее была широкая деревянная скамья, стоящая у стены, да куча старых шкур, сваленная в углу.

На скамью с величайшими предосторожностями уложили Лею, устроив ей постель из шкур и укутав как можно теплее. Перед этим Рэй, как смогла, перевязала ее раны.

Было холодно. У противоположной стены находился очаг, но вокруг вплоть до горизонта не было ничего, похожего на дрова.

- Ничего, скоро взойдет солнце, и будет тепло... - стуча зубами от холода и усталости, прошептал Финн.

Рэй изможденно опустилась на пол, прислонившись к стене. Нужно было оплакать всех - храброго По, честную Роуз, заботливую Маз, верных дроидов - но не было сил. Рэй сказала себе, что она вот только на минутку откинёт голову назад, и тут же поднимет ее... Но стоило ей закрыть глаза, как она провалилась в глубокий сон. Финн перенес ее на подстилку из шкуры, а Чуи лег рядом, обняв лапами, как теплым одеялом.

Финн подумал было, что верней было бы согреть таким образом Лею. Но, подойдя к скамье и внимательно посмотрев на ее лицо, он сообразил, что, возможно, это уже не нужно. Он так устал, что даже не ужаснулся своей догадке.

«Да и ты, наверное, уже знаешь», - подумал он, поглядев на Бена.

Тот сидел на полу у скамьи, приклонив голову к тому месту, где под ворохом шкур была рука Леи.

- Слышишь, ты это... поспал бы немного, - обратился к нему Финн. - Наступит утро, и тогда подумаем, что делать дальше.

Он сбросил с себя кусок шкуры и укрыл плечи Бена. Тот с благодарностью взглянул на него и кивнул.

Финн улегся рядом с Чуи, зарывшись в теплый мех на его спине, и почти мгновенно уснул.

....

Они проснулись все разом, как от какого-то толчка. Уже совсем рассвело, в щели между досками пробивались веселые солнечные лучи.

На скамье сидели, держась за руки, Хан и Лея. Они счастливо смеялись, неотрывно глядя друг на друга. И – удивительно! – они одновременно казались очень молодыми, и в то же время – оставались прежними.

Но никому из четверых, сидевших на полу у их ног, это не казалось странным. Словно бы так и было должно, словно Хан и Лея всегда были здесь с ними, молодые и счастливые. Все разом принялись говорить, шутить, смеяться. Позже ни один из них, как не пытался, не мог вспомнить, о чем же они говорили тогда. Вряд ли о чем-то важном. Скорее, о каких-то мелочах. Но было так радостно, просто и естественно, словно взошедшее солнце разом перечеркнуло и ночь, и все прошлое.

И Бен смеялся, чего раньше друзья никогда не замечали за ним. А теперь счастливая улыбка не сходила с его лица, и это чудо как шло ему. Он все пытался что-то сказать, что-то объяснить, то Хану, то Лее, но не находил слов, и всякий раз веселый общий смех перекрывал очередную его попытку, и тогда он сам принимался смеяться, утирая слезы рукавом.

И вдруг Хан как бы виновато сказал:

- Ну, ребята, такое дело... нам пора.

Лея грустно улыбнулась. Все остальные разом замолчали и посмотрели на Бена. На его лице отразился испуг.

- Пожалуйста, возьмите меня с собой! – жалобно попросил он.

Хан пожал плечами.

- Не могу, сынок, ты же знаешь.

- П-пожалуйста, простите меня, - едва слышно прошептал Бен. – Я хочу быть с вами... - Он пытался сказать еще что-то, но слова застряли в горле.

Хан тяжело вздохнул и обнял Лею за плечо.

- Поверь, мы давно тебя простили, - сказал он ласково. – Но понимаешь, ты сам себя не прости. Умереть-то – это легко, тут и делать нечего. А ты, знаешь что - поживи. Проживи жизнь до старости. Погуляй по галактике. И вот когда сам себя простишь – тогда и приходи к нам. Идет?

Все молчали. Хан подождал еще немного, потом хлопнул себя по коленям и сказал, обернувшись к Лее:

- Ну, все, пора. – И добавил, вставая и с улыбкой обратившись к детям: - Оставайтесь, ребята!

Лея обвела всех на прощание любящим взглядом и вышла вслед за мужем, крепко держась за его руку.

Все сидели, не шелохнувшись. Секунду, две, а может, и больше. Опомнившись, Рэй вскочила, подбежала к двери и распахнула ее. Следом за ней выбежали Финн и Бен. Но снаружи не было никого и ничего, кроме залитой солнцем бескрайней степи, да их разбитой кабинки.

.....

Уже близился рассвет, и половина юных пастушат давно и сладко посапывала вокруг костра, завернувшись в одеяла.

- Как же они выбрались с Понтено, если у них не было корабля? – важно спросил старший мальчик.

- Они связались с ВВ-8, и он сумел доставить к ним «Сокол». На нем они долетели до Татуина, и разыскали в пустыне заброшенный дом, где прошло детство Люка. Они предали зыбучим пескам все световые мечи, что у них оставались после последней битвы – меч Люка, Леи, клинки ситхов.

На следующий день они простились с Чуи и «Соколом».

- Этот корабль – твой по праву, – сказал Финн, обняв мохнатую голову друга. – Делай с ним, что хочешь. Но если ты решишь вернуться к вашему с Ханом старому ремеслу, чего я бы очень тебе не советовал... то, пожалуйста, будь осторожен!

Рэй молча уткнулась лицом в мягкую шерсть на груди Чуи.

А еще через день они вышли провожать Бена. Несмотря на уговоры Чуи лететь с ним, он уходил один и пешком.

- Кто-нибудь да подбросит! – весело сказал он.

Он обнял своего брата, смешав его слезы со своими; крепко прижал к себе и поцеловал свою сестру. Рэй все время плакала, и под конец почти лишилась чувств. Ноги ее подкосились, и она бы упала, если бы Финн и Бен не поддержали ее.

- Ну почему, почему ты уходишь? – повторяла она, захлебываясь рыданиями. – Почему не хочешь остаться с нами?

- Понимаешь, я должен, – ласково сказал он, вытирая ей слезы ладонью. – Отец велел мне, помнишь? Это мой путь к нему. Я так рад, что я теперь его знаю. Порадуйтесь и вы за меня!

И он ушел. Действительно, он всю жизнь скитался по галактике пешком, перебираясь с планеты на планету на попутных судах или нанимаясь за скудную оплату. Он с радостью брался за любую черную работу и подолгу жил в самых бедных захолустьях, копая за еду колодцы, добывая камень или таская тяжести.

Он узнал множество миров и их обитателей, а вот узнать в нем самом некогда самого опасного человека в галактике никому бы не пришло в голову, настолько он изменился. Со всеми он был добр и кроток, и даже при встрече с недостойными людьми до последнего старался избежать противостояния. Если же ему приходилось, защищая себя, побеждать воров и убийц, он, как мог, старался сохранить поверженному врагу жизнь. Покидая поле боя, он говорил

изумленному разбойнику, который уже готовился принять смерть от его руки: «Я гораздо хуже тебя. Я не могу тебя убить». И говорили, что некоторые преступники после встречи с этим странным человеком оставляли свое ремесло.

Не раз случалось ему оказываться на планетах, охваченных войнами. Он никогда не сражался на чьей-либо стороне, а пытался помочь тем, кого война сделала несчастными. И он изо всех сил стремился изжить в себе остатки Силы, считая, что именно она привела его к гордыне и тому, что за этим последовало. Даже очень рискуя в бою, он не поддавался соблазну использовать Силу и обходился обычными человеческими возможностями. Его тело покрылось ранами, он потерял один глаз, однако ни разу не усомнился в правильности выбранного пути.

- А Рэй и Финн? Что с ними стало?

- Они мирно прожили свою жизнь на Татуине, так и не покинув больше планету. Они тоже попрощались с Силой. Они много трудились, добывая себе пропитание, но работа приносила им радость, а краткий отдых был сладостен. Боги даровали им много детей. Все, кто знал их, уважали и ценили их. И не было на свете супругов, которые сильнее любили друг друга, чем эти двое. Но так же, как друг друга, они любили своего блудного брата. И очень часто, глядя по ночам на звезды, они с надеждой говорили друг другу, что когда-нибудь, когда он пройдет путь искупления до конца, он вернется к ним, чтобы вместе встретить старость.

Небо на горизонте уже посерело, близился рассвет. Все дети спали. Пастух тоже задремал, но проснулся от холода: костер догорел. Поленившись утруждать старые больные колени, он протянул руку, и топорик сам прыгнул ему в ладонь. Он принялся было колоть щепки, но вдруг замер, поняв, что самая маленькая девочка не спит и внимательно смотрит на него.

Он попытался отшутиться:

- Самое сложное в откалывании щепок - это не отрубить себе последние пальцы. Вот, смотри...

- Скажите, а он когда-нибудь вернется к ним? К брату и сестре? - спросила девочка.

Пастух машинально потрогал черную повязку на месте глаза, подумал и сказал:

- Конечно. Там, где они - там его дом.

<http://tl.rulate.ru/book/50997/1307306>